Процесс антисоветского троцкистского центра

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ—ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО

просто антисоветский троцкистский блок на ряде предприятий нашего Союза в действительности организовал, как это установлено следствием, широкую систему вредительских действий и даже диверсий, проводившихся через специально организованные им диверсионные и вредительские группы.

Были специальные люди, в адреса которых направлялись требования из-за границы разведчики. Эти разведчики расставлялись по определенному плану, их направляли именно туда, где, казалось, необходимо нанести наиболее чувствительный, как говорили Пятаков и Троцкий, удар.

Пятаков оставляет в центре за собой руководство диверсионной и вредительской работой. Руководство вредительством и диверсиями на железнодорожном транспорте поручается Серебрякову, вкупе с ним Бишеву, Турку, Богуславскому.

Естественно, громадное внимание преступный центр обращал на Кузбасс, в частности, на Кемерово, не случайно, именно в Западной Сибири создается достаточно сильный правый центр в составе испытанных троцкистов: Муралова, Дробиса и Богуславского. Пятаков подтягивает к себе в качестве своих ближайших помощников—Ратайчака, Норкина; Муралов и Дробис опираются на Шестова и Строилова.

Основные вредительские и диверсионные силы расставляются достаточно умело и по определенному плану. Основной вредительский и диверсионный актив не распыляется, он концентрируется. Можно сказать, что каждая мелочь берется на строгий учет. Все вменивается «по-хозяйски», если употребить это слово с издевательством над понятием хозяйства.

Пятаков—это человек, который живет двойной жизнью. Он ко всему, даже к вредительскому и диверсионному акту, подходит с расчетом, с выкладкой, соображая, что к чему, что и когда, действуя не просто так, по-партизански. Пятаков—враг партизанщины и в области террора, и в области вредительства, и в области диверсии. Он действует со строгому хозяйственному расчету: пропет там, тогда, так и столько, где, когда, как и сколько ему в этом помогают и содействуют обстоятельства.

Надо отдать Пятакову справедливость, он умел наносить чувствительные удары в действительно чувствительных местах.

Наша история знает немало преступлений против власти рабочих, против пролетарской диктатуры. В нашу историю вписаны отвратительные страницы возмутительных заговоров против советов. Мы помним «шахтинское дело» и, как живые свидетели прошедших перед нашими глазами судебных процессов, мы помним дело «промпартии», дело «союзного бюро ц.-д. меньшевиков». Но едва ли будет преувеличением сказать, что в искусстве вредительства, циниизма и гнусной диверсионной практики троцкисты далеко оставили за собой своих предшественников, что в этой области они перещеголяли самых матерых и отъявленных преступников. Если сравнить Пятакова с его предшественниками в этой области, то я думаю, что фигуры его предшественников померкнут перед силою и глубиною тех предательских, преступных действий, которые сумел осуществить Пятаков, прикрывая свою преступную деятельность своим высоким положением в Наркоминдиле.

Организуя предательские диверсионные акты, троцкистский антисоветский центр решал по существу одновременно две задачи: одну задачу—подорвать хозяйственную мощь советского государства и обороноспособность нашей страны, другую задачу—вызвать у рабочих, у трудящихся, у населения озлобление против советской власти, натравить народ на советскую власть.

Товарищи судьи! На суде перед нашими глазами прошло несколько тяжелых картин, которые я должен буду сейчас восстановить в вашей памяти. Должен восстановить взрыв на шахте «Центральная», повлекший гибель 10 рабочих и тяжкие ранения 14 рабочих. Я должен буду также напомнить о крушении на станции Шумиха, повлекшем за собой смерть 29 красноармейцев и ранение еще 29 красноармейцев.

Характерно, что, совершая преступления, заговорщики очень тщательно и продуманно заметали свои следы, пытались эти следы замести. Мы видели, как по поводу отравления рабочих в декабре 1935 года на шестом участке в районе Северного хода в Кемерово члены вредительской троцкистской организации Пещехонов и другие составили специальный акт, скрывший умышленный характер этого отравления. Здесь же на суде Князев и Турок должны были подтверждать, что ряд организованных ими железнодорожных крушений остался безнаказанным, потому что они с циничным искусством прятали достаточно успешно концы в воду.

Мы знаем, что эти лица не останавливались перед тем, чтобы заведомо ложно, заведомо неправильно сообщать следственным органам о виновниках организованных ими крушений, что они умели сваливать вину на совершенно невинных людей, как это было со стрелочницей Чудиновой.

Для того, чтобы оценить со всей полнотой всю безмерную чудовищность этих преступлений, надо не упускать из виду не только то, что эти преступления совершены, но и то, что они совершены людьми, которым была вверена охрана интересов нашего государства от всякого рода посягательств на них. Ратайчак, который должен был в первую очередь охранять нашу химическую промышленность от всякого рода посягательств на нее и беречь от всякого рода ущерба, этот человек предает. Он действует, как прямой изменник: за подобного рода преступления в военной обстановке он подлежал бы расстрелу на месте, немедленному уничтожению.

Аналогичные диверсионные акты по поручению Ратайчака совершаются троцкистской организацией и на других химических предприятиях Союза. Диверсионный характер этих взрывов установлен и признан и подсудимыми и свидетельскими показаниями и, наконец, специальной технической экспертизой, которая здесь поставила все точки над «и» и не оставила никакого сомнения, что речь идет действительно о диверсиях.

Троцкистский центр организовал достаточно широко разветвленные предательские и диверсионные мероприятия и на железнодорожном транспорте. Активную роль в этой сумме кошмарных преступлений играли Лившиц, Турок, Князев и Богуславский. Но и здесь я не могу не выделить Лившица. В самом деле, Лившиц был не просто работник железнодорожного транспорта, не просто один из ответственных работников народного комиссариата путей сообщения. Лившиц был заместителем народного комиссара путей сообщения. В этом отношении он ничем не отличается от Пятакова, несмотря на то, что его роль по сравнению с Пятаковым была второстепенной. Когда наша промышленность и железнодорожный транспорт под блестящим руководством тт. Серго Орджоникидзе и Лазаря Моисеевича Кагановича, преодолевая всякого рода трудности, шаг для в день, из месяца в месяц, из года в год поднимались в гору, в это самое время те, кто призван был им помогать, нагло и предательски обманывали их, обманывали нас всех, нашу партию, наш народ.

Вот почему я полагаю, что в отношении Пятакова, бывшего заместителя народного комиссара тяжелой промышленности СССР, в отношении Лившица, бывшего заместителя народного комиссара путей сообщения, и в отношении Сокольникова, бывшего заместителя народного комиссара по иностранным делам,—в отношении этих трех лиц, как лиц, облеченных особым доверием, особой государственной ответственностью перед нашей страной,—вопрос об уголовной ответственности должен быть поставлен особо, даже если бы за их плечами не было иных чудовищных преступлений.

Подсудимый Князев по прямому заданию «параллельного» троцкистского центра организовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся значительным количеством человеческих жертв. Было крушение на станции Шумиха, где **погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев оказались ранеными**, крушение на перегоне Яконо—Усть-Катав, крушение воинских поездов, крушение товарных поездов. Князев организовал их, как это выяснилось, не только по поручению и указанию «параллельного» троцкистского центра и, в частности, Лившица, но и по прямым заданиям агента одной из иностранных держав,—агента японской разведки г-на Х., который действительно был одной из движущих пружин преступной деятельности Князева и Турока.

Преступники действовали с наглостью и цинизмом. На них оказывало некоторое влияние их положение, позволявшее им думать, что они настолько крепко законспирированы и замаскированы, что не будут разоблачены до конца. В самом деле, как могли они, в течение сравнительно длительного времени совершать эти преступления, остаться безнаказанными? Этот вопрос, конечно, важный. Да, эти преступления были возможны потому, что они совершались под прикрытием тех, кто должен был бы первый поднять тревогу, дать сигнал и броситься в борьбу не на жизнь, а на смерть против подобных преступлений. Это об'ясняет все.

Но тут я поставлю другой вопрос: несмотря на то, что к руководству примазались вот такие шпики и разведчики, как Ратайчак, вот такие предатели и изменники, как Лившиц или Пятаков—как случилось, что, несмотря на все это, их усилия подорвать мощь промышленности, ослабить силы обороны промышленности, поколебать обороноспособность нашей страны оказались тщетными? Это наиболее важный вопрос и на него нужно дать точный и исчерпывающий ответ.

Да, в известный период, в известный момент, на известных участках нам приходилось туго. Но, несмотря на вредительские и диверсионные удары, наша промышленность и наш железнодорожный транспорт все время идут в гору, все больше поднимаются вверх.

Несмотря на вредительство, несмотря на диверсии, сотни погибших от рук разведчиков и диверсантов лучших сталинцев, несмотря на систематические и планомерно проводившиеся мероприятия по сознательному срыву стахановского движения,—наша промышленность бурно растет и перевыполняет свои производственные планы!

На стороне предателей стоят единицы. Вред, причиненный этими единицами, быстро ликвидируется миллионами. На стороне советского правительства и строительства социализма стоят миллионы!

Шпионаж и террор

Материалами предварительного судебного следствия и собственными признаниями обвиняемых Ратайчака, Князева, Пушкина, Турока, Граше, Шестова, Строилова установлено, что, наряду с диверсионно-вредительской деятельностью, троцкистский антисоветский центр широко и систематически занимался шпионажем в пользу иностранной разведки. Установление связи японской и германской разведки осуществлялось не в порядке личной инициативы какого-то Турока или Шестова. Эта связь осуществлялась в порядке выполнения директивы Троцкого. Люди, связавшиеся с иностранными германской и японской разведками, под руководством Троцкого и Пятакова, своей шпионской работой подготовили результаты, которые должны были самым тягчайшим образом сказаться на интересах не только нашего государства, но и на интересах целого ряда государств, вместе с нами желающих мира, борющихся вместе с нами за мир.

Товарищ Сталин в своей телеграмме на имя Центрального Комитета Коммунистической партии Испании, на имя тов. Хозе Диаз сказал, что «трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они,—сказал товарищ Сталин,—отдают себе отчет, что освобождение Испании от ига фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а — общее дело всего передового и прогрессивного человечества». И я хочу просить вас, товарищи судьи, чтобы и вы, взвешивая все обстоятельства данного дела и оценивая значение преступлений, совершенных подсудимыми, также подошли к этому делу с точки зрения страны интересов нашего государства, с точки зрения страны интересов всего передового и прогрессивного человечества.

Мы в высокой степени заинтересованы в том, чтобы в каждой стране, желающей мира и борющейся за мир, самыми решительными мерами их правительств были прекращены всякие попытки преступной шпионской, диверсионной, террористической деятельности, которая организуется врагами мира, врагами демократии, темными фашистскими силами, подготовляющими войну, собирающимися вовлечь дело мира и, следовательно, дело всего передового, всего прогрессивного человечества.

Обвинительное заключение пред'являет обвинение к членам троцкистского центра и их сообщникам в организации террористических актов.

Здесь надо раньше всего остановиться на основном и общем вопросе—доказано, что в программе троцкистского антисоветского центра стоял террор, что этот террор проводился на деле.

В наших руках имеются документы, свидетельствующие о том, что Троцкий ставил, по крайней мере в притом в достаточно откровенной, не завуалированной форме дал установку на террор,—документы, которые отношены их автором всему миру. Я имею в виду, во-первых, то письмо в 1932 году, в котором Троцкий бросил свой предательский, позорный клич—«убрать Сталина» и, во-вторых, я имею в виду документ, уже относящийся к более позднему времени,—троцкистский «Бюллетень оппозиции» №№ 36—37 октябрь 1934 года, где мы находим ряд прямых указаний на террор, как метод борьбы с советской властью.

В статье, имеющей программный характер, есть глава, в которой говорится: «Возможно ли мирное снятие бюрократии?» Троцкий и троцкисты считают наш советский аппарат бюрократическим аппаратом.

Здесь говорится:

«Возьмите немаловажный вопрос, как подойти к реорганизации советского государства».

Как подойти к реорганизации советского государства и можно ли разрешить эту задачу мирным способом? Ленин совершенно постановка. Противник террора, насилия должен был бы сказать: да, возможно мирным способом, скажем, на основе Конституции.

А что говорят Троцкий и троцкисты? Они говорят так:

«Было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять при помощи партийного или советского с'езда. Для устранения правящей клики (как они называют наше правительство злостно) не осталось никаких **нормальных** конституционных путей».

«Заставить их передать власть в руки пролетарского авангарда (они говорят о себе, как об авангарде, имеют в виду, очевидно, вот подобный этим господам «авангард», который занимался убийствами и диверсиями и шпионажем) можно только силой».

Причем «силой», — как это можно убедиться, набрано черным шрифтом. Ясная постановка вопроса! Мирные средства? Мирные средства бессильны. Единственное средство — сила, силой и устранить. Но мы знаем, как силой устраняют, в особенности, когда дело идет о том, чтобы эту силу оставлять в руках такого «авангарда», каким являются вот эти господа. (Смех).

То, что я сейчас процитировал,—как это назвать, если не прямым призывом к насильственным действиям против нашего государства, против наших руководителей? Как это назвать, как не прямым призывом к террору? Иного названия я этому дать не могу.

Перед нами сидят террористы, которые организовывали теракты не только сами, но по соглашению с троцкистско-зиновьевским блоком, с которым у них была некоторая конкуренция. Посмотрите: опубликованные протоколы судебных заседаний об'единенного зиновьевско-троцкистского центра говорят о том, что зиновьевцев подхлестывала боязнь, что троцкисты в своей преступной деятельности их могут «обскакать». Разве и на этом процессе мы не слышали о том же? Разве троцкисты из «параллельного» центра не считали своей задачей, как здесь признался Радек, держать зиновьевцев в руках, не позволять зиновьевцам оттеснить их от власти в тот момент, когда они будут распределять портфели. Этот «авангард» — спал и видел во сне портфели. Радеку—портфель министра иностранных дел. Ратайчаку — вероятно, министра религиозных исповеданий (**в зале смех**), потому, что он показывал, что он чувствует себя связанным до сих пор присягой, которую он где-то кому-то давал. А Пятакову предназначался (вам это известно) пост военного министра и вообще главнокомандующего всех вооруженных сухопутных (морских сил у них не было) и—я имею в виду «старого летчика» Ратайчака—летных сил. (**В зале смех**).

Центр организовал сеть террористических групп. У Пятакова—Логинов, Голубенко и другие. У Радека — Пригожин и другие; у Сокольникова — Зако-Гладнев, Тивель и другие; у Серебрякова—у того есть своя группа—Мдивани; у Дробиса—какая-то Подольская, которая тоже подготавливала террористический акт. У Дробиса—своя группа. У Муралова—об этом и говорить нечего. Он же бывший командующий, как ему быть без армии? Даже у Шестова—и то была своя группа—Арнольд и К-о—и группа исходила с точки зрения ее задач. Правда, небольшая она презентабельна с виду, но практически умела действовать.

Пятаков подготовляет террористический акт через своих украинских представителей против тт. Постышева и Косиора, а в 1935 году против товарища Сталина. Мы спрашивали об этом Пятакова, мы вызывали Логинова для свидетельского допроса, и он это подтвердил. Радек подготовляет террористические кадры в Ленинграде; Зако-Гладнев и другие готовят под руководством Сокольникова террористический акт против товарища Сталина; Мдивани, под руководством Серебрякова, готовит террористический акт против тов. Берия, собирает террористов, которых можно было бы отправить в Москву для того, чтобы обеспечить наиболее успешное осуществление, так называемых, групповых террористических актов.

Они же готовят террористический акт против тов. Ежова. Дробис, тоже готовит теракт против тов. Ежова. Муралов готовит акт против тех, кто приедет к нему в Сибирь, не считая тов. Эйхе, который там живет. Такова установка: учесть, использовать выезды руководителей партии и правительства на периферию и организовать их убийства.

Конечно, может быть поставлен и такой вопрос: много групп, а дела как-то не видать. Но это наше счастье. Ведь эти самые господа не брали на себя лично совершения террористических актов, в этом-то наше счастье. С Радеком, с Пятаковым, с Сокольниковым встречались довольно близко, обсуждали вместе разные вопросы, полагая, что рядом сидят товарищи. А оказалось, что рядом сидят наши убийцы! Если бы они могли открыто выступить за террор, положение было бы, конечно, сложнее. Но тактика у них была иная: не открывать, что троцкисты подготовляют убийства. Их тактика была такая: чтобы можно было совершение терактов сваливать на других—скажем, на белогвардейцев (так ставился вопрос). В этих условиях, конечно, не легко было им найти людей, которые, вроде таких просвещенных мореплавателей, как Арнольд, согласились бы взять на себя подобного рода ужасные преступления. Вы уже видели этого Арнольда. У Арнольда есть только одно качество, которого не учли эти троцкистские заговорщики—трусость... Вот он организовал покушение против тов. Орджоникидзе и, к величайшему счастью нашему, в последнюю минуту сдрейфил,—не удалось. Организует покушение на председателя Совнаркома тов. Молотова, но, к нашему счастью, к величайшему счастью, опять сдрейфил,—не удалось.

Но факт остается фактом. Покушение на тов. Молотова произошло. Это авария на гребешке 15-метровой канавы, как здесь Муралов скромненько говорил, — факт.

Возьмите убийство инженера Бояршинова. Кто такой Бояршинов? Это был человек, когда-то осужденный за предательство. Но потом это прошло. Бояршинов оказался честным человеком. Он отказался строить шахту имени Рухимовича по предательским планам, и не раз выступал против отставания работ и преступной деятельности Строилова. Он разоблачает Строилова.

Эта честная работа Бояршинова озлобила гнездо диверсантов. Они организуют убийство. 15 апреля 1934 года инженер Бояршинов едет на лошади с вокзала. Его нагоняет грузовая машина и давит на смерть. Опять тот же самый прием, при помощи которого действовала шайка Шестова—Черепухина и которая имела в своих рядах Арнольда.

Вот почему за террористическую деятельность, за подготовку террористических преступлений отвечает этот центр в полной мере и в полном об'еме—от Арнольда и до Пятакова, и от Пятакова до Арнольда. Ответственность одинаковая и солидарная.

Преступления, перечисленные нами в обвинительном заключении, я считаю доказанными полностью, преступники изобличены также полностью.

Я считаю, что обстоятельства позволяют утверждать, что в нашем настоящем судебном процессе, если есть недостаток, то недостаток не в том, что обвиняемые сказали здесь все, что они сделали, а что обвиняемые все-таки до конца не рассказали всего того, что они сделали, что они совершили против советского государства.

Но мы имеем, товарищи судьи, такой пример и в прошедших процессах,—и я прошу вас иметь это в виду и при окончательной оценке тех последних слов, которые пройдут перед вами через несколько часов. Я напомню вам о том, как, скажем, по делу об'единенного троцкистско-зиновьевского центра некоторые обвиняемые клялись вот здесь, на этих же самых скамьях в своих последних словах, одни —просят, другие не просят пощады, — что они говорят всю правду, что они сказали все, что у них за душой ничего не осталось против рабочего класса, против нашего народа, против нашей страны. А потом, когда стали распутывать все дальше и дальше эти отвратительные клубки чудовищных совершенных ими преступлений, —мы на каждом шагу обнаруживали ложь и обман этих людей, уже одной ногой стоящих в могиле.

Если можно сказать о недостатках данного процесса, то этот недостаток я вижу только в одном: я убежден, что обвиняемые не сказали и половины всей той правды, которая составляет кошмарную повесть их страшных злодеяний против нашей страны, против нашей великой родины!

Я обвиняю сидящих здесь перед нами людей в том, что в 1933 году по указанию Троцкого был организован под названием «параллельный» центр в составе обвиняемых по настоящему делу Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова, в действительности представлявший собой действующий активный троцкистский центр, что этот центр по поручению Троцкого, через обвиняемых Сокольникова и Радека, вступил в сношения с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы с Советским Союзом, причем центр обязался, в случае прихода своего к власти, предоставить этим государствам ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок; что этот центр через своих членов и других членов преступной троцкистской организации занимался шпионажем в пользу этих государств, выдавая иностранные разведки важнейшими, секретнейшими, имеющими огромное государственное значение материалами; что в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности нашей страны этот центр и его сообщники организовали и провели ряд диверсионных и вредительских актов, повлекших за собой человеческие жертвы, причинивших значительный ущерб нашему советскому государству.

В этом я обвиняю членов «параллельного» антисоветского троцкистского центра—Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова—то-есть в преступлениях, предусмотренных статьями УК РСФСР: 58-1-а—измена родине, 58-6—шпионаж, 58-8—террор, 58-9—диверсия, 58-11—образование тайных преступных организаций.

Я обвиняю всех остальных подсудимых: Лившица, Муралова Н., Дробиса, Богуславского, Князева, Ратайчака, Норкина, Шестова, Строилова, Турока, Граше, Пушина и Арнольда в том, что они повинны в тех же самых преступлениях, как члены этой организации, несущие полную и солидарную ответственность за эти преступления, вне зависимости от индивидуального отличия их преступной деятельности, которая характеризует преступления каждого из них, то-есть в преступлениях, предусмотренных теми же статьями Уголовного Кодекса.

Основное обвинение, товарищи судьи, которое в этом процессе пред'является,—это измена родине. Измена родине карается 58-1-а статьей УК РСФСР. Она говорит об измене родине, как о действиях, которые совершены в ущерб военной мощи Союза, его государственной независимости, его территориальной неприкосновенности, как шпионаж, выдача военных и государственных тайн, переход на сторону врага. Все эти элементы, кроме последнего,—бегство за границу—мы имеем здесь налицо. Закон вкладывает на совершивших это тяжкое государственное преступление, которое наша великая Сталинская Конституция справедливо называет тягчайшим злодеянием,—тягчайшее наказание. Закон требует при доказанности вины преступников приговорить их к расстрелу, допуская смягчение этого наказания лишь при смягчающих обстоятельствах.

Вы должны будете, товарищи судьи, в совещательной комнате ответить на вопрос—есть ли у этих обвиняемых и у каждого из них в отдельности индивидуальные и конкретные обстоятельства, которые позволили бы нам смягчить угрожающее им по закону наказание? Я считаю, что таких смягчающих обстоятельств нет. Я обвиняю преданных суду по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного Кодекса в полном об'еме.

Я обвиняю не один! Рядом со мной, товарищи судьи, я чувствую, будто вот здесь стоят жертвы этих преступлений и этих преступников, на костылях, искалеченные, полуживые, а, может быть, вовсе без ног, как та стрелочница станции Чудиновка т. Баговицына, которая сегодня обратилась ко мне через «Правду» и которая в 20 лет потеряла обе ноги, предупреждая крушение, организованное вот этими людьми! Я не один. Я чувствую, что рядом со мной стоят вот здесь сотни и исковерканные жертвы жутких преступлений, требующие от меня, как от государственного обвинителя, пред'явить обвинение в полном об'еме. Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь рядом со мной, указывая на эту скамью подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, исчезнувшими в могилах, куда вы их отправили!..

Я обвиняю не один! Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания—расстрела, смерти! (**Долго несмолкающие аплодисменты всего зала**).

(Речь тов. А. Я. Вышинского дается по сокращенной стенограмме).

Поправка ТАСС

В помещенные вчера отчеты о процессе антисоветского троцкистского центра по техническому недосмотру вкрались опечатки:

1) В показаниях подсудимого **Турока** на вопрос государственного обвинителя о дате получения им 35 тысяч рублей от японской разведки следует читать:

Турок: В январе 1935 года—35 тысяч рублей.

Соответственно подсудимый **Турок** дает показания о передаче денег **Князеву:**

Турок: Лично Князеву в мае 1935 года.

Отв. редактор А. ВЛАСОВ.

Похищенные:

удостоверение личности, выданное Обкомом ВКП(б) за № 41; удостоверение на право ношения оружия, выданное глушковским райотделением НКВД (все документы выданы на имя **Семена Степановича Олейникова**), а также два паспорта, выданные в 1936 году глушковским райотделением милиции НКВД на имя Олейниковой С. Л. и Олейникова С. С.—**считать недействительными.**

Утерянное 25 января 19[illegible] удост. вер[illegible] за № 21 [illegible] на право пр[illegible] автомашиной, выданное [illegible] на имя Вов[illegible] Н. Л. считать недействительным. 82

20 января с. г. **пропала собака** —[illegible], серая, с [illegible] ошейником, 7 месяцев. За [illegible] сообщить: Курск, Дружинная, 29, Носову. 83

КУПЛЮ ДОМ.
Срочно ТРЕБУЮТСЯ квартиры и комнаты.
Условия по соглашению. С предложением обращаться: Курск, ул. Ленина, 77, кв. 1, „Курская правда".

ТРЕБУЕТСЯ
старший бухгалтер
рассчитанная радиолинкурка торной станции г. Курск, ул. Белинского, 3. 81

В Ленинграде квартиру из 2 комнат с кухней в центре города **меняю на Курск,** на отдельную квартиру в 2—3 комнаты. С'езд то: Курск, почтовый ящик Жилину Н. И. 80

№№ ТЕЛЕФОНОВ РЕДАКЦИИ «КУРСКАЯ ПРАВДА»: зам. отв. редактора—55, секретариат—5-39, зав. от дел. рабселькоров и писем—1-51, отдел рабселькоров и писем—2-15, отдел областной и городской информации — 5-64, культурный отдел—5-64 (два звонка), пром.-транспортный отдел — 11-54, советско-торговый отдел—11-54 (два звонка), отдел международной информации и отдел обзоров печати — 2-41, партийный отдел — 5-03, сельхозотдел — 4-25, книгоиздательство — 3-82, заведующий издательством — 3-63, выпускающий—6-04. Адрес редакции: улица Ленина, 77.

Упоен. облита Ф. 11803. Курск, гостипография им. К. Маркса, Карла, 15, тел. № 2-09. Тираж 70.000